

17.10.2014, 04:08 Москва

ИНТЕРВЬЮ

Один против

ПРИШЕЛ РУГАТЬ ЦАРЯ

Вечером 27 августа 2014 года, в день, когда стало известно о начале наступления пророссийских войск в направлении Мариуполя, московский активист Дмитрий Монахов написал в своем twitter-аккаунте следующее: «Я россиянин. Не быдло. Не убийца. И не оккупант. Мне стыдно что Путин мой президент. В 9.00 я иду на манежку против войны». Короткое сообщение собрало более трех тысяч репостов, но с утра на площади его ждали только оперативники. Редакция ОВД-Инфо пригласила Монахова побеседовать об акции, спецприемнике, в который он попал после нее на 15 суток, и в целом о протесте, полиции, судах и тюрьмах.

Короткий профиль: Дмитрий Монахов, Linux-программист, активист московской «Солидарности», участник Движения в защиту Химкинского леса, акций в рамках Стратегии-31. Во время народного схода после первого приговора по делу Кировлеса 18 июля 2013 Монахов, не нуждающийся

в мегафоне для усиления своего голоса, был задержан как человек, выделяющийся среди других, и прямо на Моховой, в автозаке зверски избит ОМОНОм. Добиться возбуждения уголовного дела ему до сих пор не удалось.

ОВД-Инфо: Нас интересует личное восприятие того, как действует полиция, как действует суд и что происходит в тюрьме. Поскольку у тебя накопился опыт...

Дмитрий Монахов: В тюрьме я не сидел...

О-И: Под тюрьмой имеется в виду тег – любое заключение. Любое задержание. Спецприемник как опыт.

Д.М.: Спецприемник у меня, слава Богу, первый был. В этот раз как раз все было более культурно, чем это иногда бывает. Зачастую они под ребра поддают, на этот раз не били — ни на площади, ни потом. Особо мы с ними не ругались, но как-то я и не видел смысла о чем-то с ними разговаривать.

О-И: А само задержание, как оно началось?

Д.М.: Ну, как?! Ну, у них была задача просто задержать по любому поводу, то есть сначала они спросили документы. Я более-менее представляю эту историю, поэтому я взял с собой ксерокопию паспорта. Обычно им вручаешь, и вот, пожалуйста, мои паспортные данные. Я готов и паспорт показать, сравнить, без вопросов. И тогда у них нет повода меня куда-то вести, моя личность установлена. Полицейский говорит: «Что здесь происходит?» Я говорю: «Провожу одиночный пикет». У меня даже мысли не было, что мне впаяют, что я якобы на Красной площади был. Если я бы хотел действительно пойти на Красную площадь, то я б туда пошел. С этим проблем как раз не было. Теоретически я предполагал, что могут хулиганку, могут что-то подобное.

О-И: А это было где? На Манежке?

Д.М.: Да, напротив входа, напротив Иверских ворот. Полицейский сказал, что здесь любые мероприятия запрещены. Я думаю — совсем, что ли, ребята? Я понимаю, что иной порядок согласования, но меня вот что очень сильно огорчает и угнетает, что реально два ОВД в Москве, которые вынуждены заниматься публичными мероприятиями — это Тверское и Китайгородское. Можно их обучить, блин, произносить какую-то простую мантру: «Тра-та-та, вы нарушаете...»? Если там согласованный порядок, то нельзя сказать «запрещенный», блин. Какая-то такая безнадега, блин.

О-И: Они всегда говорят разное?

Д.М.: Такое ощущение, что они не читали ничего. Да, говорят, конечно, разное. Что им сегодня показалось правильным. Я говорю: «Знаете, здесь вообще-то вчера День варенья проходил, на Красной площади у нас публичные мероприятия проходят постоянно». Но они начали меня уже дальше тащить.

О-И: Сразу после этого?

Д.М.: Нет, сначала они говорят: «Здесь запрещено». Я говорю: «О, тогда я отойду». Какой смысл с ними спорить? отошел 20 метров. Собственно я это и сказал: «Тра-та-та, граждане полицейские, я отхожу».

О-И: То есть они тебе сказали, куда отойти? Или ты у них спросил?

Д.М.: Они сказали: «Здесь запрещено». Думаю, что я с ними буду переругиваться? Я же не с ними переругиваться пришел. Я говорю: «Ок, граждане полицейские требуют отойти — я отхожу». Они за мной: «Куда ты? Ты уже нарушил». Вот и все. Дальше они меня схватили и начали пихать в автомобиль, он, собственно, уже подъехал.

О-И: А ты был без плаката?

Д.М.: Я никогда с собой плакат не беру, потому что это бессмысленно. Зачем? Я, может, просто ориентируюсь на самого себя, просто у меня зрение плохое, и я никогда плакатов не вижу, считаю это каким-то малоэффективным средством воздействия. Нет, ничего у меня такого не было.

О-И: А ты стоял и...?

Д.М.: Я стоял и довольно громко — я, конечно, сейчас не буду демонстрировать, боюсь, у вас тут люди испугаются — довольно так доходчиво объяснял: «Дорогие граждане, по моему мнению, украинцы — мои братья, вот я так считаю. Как вы считаете – думайте сами. В уголовном кодексе есть статья 353 — это подготовка, планирование и ведение агрессивной войны — от 7 до 14, по-моему, строгача, хотя я точно не помню, но от семи лет. Верховным главнокомандующим у нас в стране является президент Российской Федерации, и вообще война с братьями — это безумие». Собственно вот это я и произносил как-то, может, по кругу, как-то там развивая, люди приходили и уходили.

ДМИТРИЙ МОНАХОВ ПОРТИВ ВОЙНЫ!

Posted by [Кирцер Михаил](#) on Thursday, August 28, 2014

О-И: Много народу тебя слушало?

Д.М.: Нет, не очень, 9 утра все-таки.

О-И: Как реагировали?

Д.М.: По-разному. Какой-то мужикан подошел руку пожал. Потом сзади проехал мужик на велосипеде и сказал, не помню точно формулировку: «А почему они нас убивают?» — или кого-то убивают, или в Славянске убивают. Или почему стреляют — смысл такой. А я говорю: «Ребят, а

давайте подумаем?» Он уехал, дальше я уже, скорее, отвечал не ему, а на заданный вопрос людям. Я говорю: «Ребят, в Славянске сейчас что-то никого не вешают, в Краматорске тоже никого не вешают, там нет ополченцев, и все — прекратились там беспорядки».

О-И: А полицейские перед тем, как подойти, ходили по периметру?

Д.М.: Да нет, там сбоку стоял эшник, я видел его раньше.

О-И: Как он там оказался?

Д.М.: Я у него не спрашивал.

О-И: Он пришел специально на твое мероприятие?

Д.М.: Я не помню, в какой момент он появился, минут пять, не больше прошло, я думаю, он, наверное, как-то там дежурит.

О-И: Вообще странно, эшники не дежурят, вроде.

Д.М.: Короче, он там был. Он чего-то там снимал. Я так полагаю, что либо он, либо из тому подобных активных граждан вызвали полицию. Они пришли и сразу ко мне направились.

О-И: Сколько времени прошло? Сколько ты успел простоять?

Д.М.: Полчаса. Насколько я понимаю, им поступил вызов, пока они собирались, объезжали с Китай-города через Новую площадь... Вот столько времени и прошло, им же тоже надо собраться, докурить, все такое...

О-И: А когда ты пришел, там уже был этот эшник?

Д.М.: Не знаю. Когда народ на меня смотрел — я его уже локализовал.

О-И: А ты где-то писал, говорил, что хочешь пойти?

Д.М.: Да. Ночью что-то меня так достало, такая у меня безнадега была, посмотрелся новостей про наших костромичей. Я в твиттере написал: «Я россиянин, не быдло, не убийца, не оккупант. Мне стыдно, что Путин — мой президент. В 9 утра я пойду на Манежку». Это не секрет был.

О-И: Тогда все понятно... Они взяли тебя, и что?

Д.М.: Повезли в ОВД «Китай-город».

О-И: Сопротивление хоть какое-то было с твоей стороны? Что можно было расценить как сопротивление?

Д.М.: Нет, если есть сопротивление, то дают 318-ю статью, как известно.

О-И: Неповиновение?

Д.М.: Я пытался от них добиться... Мне очень стыдно думать, что наши полицейские, блин, из Тверского и Китайгородского отдела не умеют сформулировать статью 19.3. Нельзя говорить — «мы просим вас». Просят сигареты. И если я не даю сигареты, то меня не обязаны за это на 15 суток сажать, а там было: «Мы просим вас присесть». Ну, ребята, у вас есть закон — «мы требуем от вас, блин, сесть в машину». Все, лапки кверху — я бы сел, мне 15 суток не нужно на ровном месте. Я стоял у машины, и чтобы меня туда засунуть, надо было произнести знаменитую законную фразу, ее не было. Все. Я просто стоял.

О-И: А какая тут могла быть законная фраза?

Д.М.: «Мы требуем от вас проследовать с нами в отделение полиции для составления административных материалов». Это должно быть требование, и это должно соответствовать закону.

О-И: Оно соответствует в таком виде закону? Ты же не делал ничего. Или ты считаешь, что ты все-таки что-то

делал?

Д.М.: Дальше уже можно спорить, задержали ли они меня законно. Они могут же подойти и сказать: «Вы похожи, мы требуем от вас пройти». Имеют право? Имеют, к сожалению. Это будет по-человечески неправильно, но это будет законно. Я вынужден буду этому подчиниться, а если эта фраза не произнесена, то все, ребят, извините. Я надеюсь, что когда-то их выучат, хотя с Васильевым вряд ли там что-то изменится.

Олег Васильев – это знаменитый, чудесный начальник ОВД «Китай-город». Прекрасный человек, я не знаю ни одного оппозиционного адвоката, которого бы он лично не выкидывал из «Китай-города». Это прекрасный человек, душевный. Он закон точно не знает. Это вот такая жизненная позиция.

О-И: Значит, ты стоял. А что им пришлось делать тогда?

Д.М.: Они меня, собственно, утрамбовывали, я чуть выше, чем автомобиль, они тем и занимались вчетвером, что меня туда утрамбовывали. Утрамбовали, и мы поехали.

О-И: Телефон отобрали?

Д.М.: Да-да. Я, кстати, что-то не сообразил позвонить. Я не думал, что мне 19.3 впают. Все-таки это у меня была первая арестная статья, и я ничего не делал. По моему мнению, там никакой такой истории с неповиновением не было, то есть я даже об этом не подумал. Продержав меня 3 часа, мне дежурный сказал, что 20.2 и 19.3. Все. После этого момента стало понятно, что будет.

О-И: А три часа они ничего не говорили?

Д.М.: Нет, они занимались там чем-то своим, как это обычно бывает. Естественно, материалы составили не в моем присутствии. На такие мелочи, чтобы объяснить мне какие-то там права — даже стыдно от них такое требовать.

О-И: Тебя с делом все-таки познакомили?

Д.М.: Да, бумаги я посмотрел, и там была эта чудесная фраза — «проводил одиночный пикет в месте, где публичные мероприятия запрещены». Отлично! Я согласен с такой формулировкой идти в суд. Не могут быть публичные мероприятия запрещены на Красной площади, они могут требовать иного порядка согласования! Нельзя так говорить! Ладно, думаю, поехали в суд, там дальше разберемся.

О-И: И все? Это все было все описание твоей акции?

Д.М.: Нет, полицейские очень точно записали мои лозунги и про то, что «Путин сделал врагами украинцев», и то, что «привлечь по статье 353». Я даже удивился.

О-И: А они их слышали?

Д.М.: Вот это загадка.

О-И: Может, эшник помог им?

Д.М.: Я же не скрываюсь, я же не говорю, что я за цветочки был. Я пришел, проводил одиночный пикет и произносил лозунги, но я не был на Красной площади.

О-И: А там что написано? Что ты просто был на Красной площади?

Д.М.: То, что я был рядом с домом 2 на Красной площади. Я не коренной москвич, но, блин, даже я знаю, что на «Эхе Москвы» идет передача «Красная площадь, дом 1». Дома 2 нет, в некоторых источниках дом 2 — это собор Василия Блаженного. То есть ребята работают на участке, на Красной площади не так много домов, можно за 5—10 лет службы выучить, где какой дом. Ладно, это мелочи.

О-И: То есть там не было сказано про Манежную площадь, а что ты находился у Исторического музея, Красная площадь, дом 2?

Д.М.: Да-да. Дальше мы в суде долго выясняли, где же я находился, расстояние от нулевого километра, ближе-дальше. Но это уже суд.

СУДЫ В ЭМИЛЯХ

ОВД-Инфо: Было еще что-то до суда? Что они в 19.3 написали?

Дмитрий Монахов: Ровно то же самое, только добавили, что «на неоднократные просьбы не подчинился, тем самым выразил явный отказ от высказанных требований». Причем там написано, что они меня просили присесть, там нет требования.

О-И: А что там за история была с Эмилем Терехиным?

Д.М.: Сидим, ждем суда, у меня нет телефона — я просил дать мне телефон, у меня там просто запись была включена на всякий случай, мало ли, бывает же по-разному, в этот раз запись была не очень информативна, хотя там диалог-то наш полностью был.

О-И: Телефон тебе не дали полицейские?

Д.М.: Да-да, он остался в «Китай-городе». Мы туда приехали, ждем. Я Эмиля до этого момента в лицо не знал. Сидим в машине и ждем, пока там скажут заходить. Эмиль меня в машине увидел: «Ой, это ты, отлично». Дальше заходим в зал, я подал судье ходатайство дать мне возможность ознакомиться с делом, и как раз Эмиль-то сидел внутри, он как раз зашел. Мы с ним парой фраз перекинулись.

О-И: Из зала или внутри зала?

Д.М.: Да-да, внутри зала. Он меня спросил, звать ли кого из защитников. Я говорю: «У Дениса [Юдина] должна быть доверенность на меня». И тут у меня проскальзывает идея, что я и Эмиля могу написать, чтобы хотя бы два человека

знакомились, двое все-таки лучше, тем более я немножко на взводе, поэтому будет лучше. Я начинаю писать эту доверенность, приставов, видимо, переклинило, там такая была нервная обстановка, потому что там стояли Life News с камерами и ждали руфера — парню, который из Питера, должны были определять меру пресечения. В общем, может, они думали, что меня приехали снимать, они были на взводе. И все — он вроде как вышел, не знаю, сам не сам. Вышел-то за дверь он сам. Что там дальше происходит, я не знаю. Я пишу эту бумагу. Возвращается судья, я заявляю ходатайство, Он говорит: «Терехин. Давайте его сюда». — «А мы на него административный протокол составляем»...

Как Эмиль оказался в Тверском суде? Я так понял, что просто разбежались по судам и стали стеречь, как это иногда бывает.

Свободу Сурену Газаряну!

О-И: Дежурный, кажется, сказал, что тебя повезут в Тверской, поэтому не то что бы все суды были в Эмилях.

Д.М.: Раз есть человек, который может лишний раз посмотреть глазами — хорошо. Эмиль вошел — протокол, видимо, испарился. Мы с ним начали читать. Судья так довольно шустро все это дело поинтересовал, меня допросил, всех допросил.

О-И: Судья кто?

Д.М.: Судья Алексей Стеклиев.

О-И: Переехал, вместе с нашими делами, из мирового суда...

Д.М.: Говорят, сделал карьеру в этом смысле.

О-И: Специалист.

Д.М.: Он слушал-слушал. Я говорю: «Должно быть требование, и оно должно быть законным». И он мне, в конце концов, говорит: «А вот если бы так случилось в Америке с американским полицейским?» При чем здесь это? Так как-то меня это сбilo — я задумался. Дальше пошел писать решение, и все — 15 суток.

О-И: Сколько на это ушло времени?

Д.М.: Полчаса где-то он писал. Во всех протоколах, рапортах все лозунги отражены четко, как есть. Точно, там ничего не перевернуто, а судья в решении написал: «Выкрикивал лозунги тематического содержания». Побоялся он это дело писать. Что-то его остановило, потому что все остальное он переписал.

О-И: Это был суд по 19.3?

Д.М.: 19.3.

О-И: А по 20.2?

Д.М.: Был. Состоялся 11-го числа, когда я последний день досиживал и, будучи надлежащим образом уведомлен, я почему-то не явился на суд.

О-И: Ты получал в спецприемнике бумажку об этом? Уведомление?

Д.М.: От почтальона с бляхой... Нет, конечно. Ты о чем? Возможность прийти на суд — хотя бы как-то разгрузиться, я бы с удовольствием поехал. Я, честно говоря, расстроен, что это была другая судья, а то было бы совсем феерично, если бы это второй раз был Стеклиев.

О-И: А судью как зовут вторую?

Д.М.: Сальникова М.Л. Тут, конечно, тоже еще какие-то бумаги забавные вылазят. Будем разбираться.

О-И: А как на работе отнеслись к 15 суткам? Это как, за отпуск пошло? Или за свой счет?

Д.М.: Отпуск. У меня было ровно 15 дней — я уложился. Понятно, что, конечно, счастливы-то не были, потому что работа — она и в Африке работа, ее надо кому-то делать, некоторые сроки горят. Сказали: «Давай, все, отпуск закончился, давай уж без этого». Нет, в этом смысле у меня нормальная работа, мне не выгрызают мозг там, от государства независима. Вполне себе приличная.

О-И: Когда тебя осудили, тебя повезли сначала в «Китай-город»?

Д.М.: После суда меня повезли в «Китай-город», и мы ждали, когда поедет в спецприемник. По изначальным слухам, мест не было, и я думал, что придется ночевать в ОВД, мне так дежурный сказал. Потом, видимо, поискали-поискали, выяснилось, что места будут, повезли.

ОТПУСК С ДОШИРАКОМ

ОВД-Инфо: В первый спецприемник?

Дмитрий Монахов: Во второй, где-то в двенадцать ночи меня туда привезли.

О-И: Как проходит процесс заселения?

Д.М.: Нормально, мне даже дали смску отправить. Я отправил смску квартирной хозяйке, что меня не будет в городе. Это я сделал. Матери в тот день не позвонил, потому что было уже поздно. Ночью писать ей «мама, я в спецприемнике» я как-то не стал. Думал, на следующий день это сделаю. И все. Пошли.

О-И: А в спецприемнике пользуются телефоном? Там 15 минут положено в сутки или сколько?

Д.М.: Да, 15, 10 или 5 — тоже по-разному. Бывает и 20. Это для меня было вообще новостью, потому что этого я никогда не знал, честно говоря. Это очень здорово.

О-И: Как это устроено? Какое-то заявление пишешь?

Д.М.: Приходит дежурный, смотрит за порядком в камере, если она прилично убрана, — а у нас было прилично, довольно чисто — значит, ведет звонить. У нас никогда проблем не было, там у ребят, я уж не знаю, что у них там в камере творилось — их там как-то один раз наказали. Опять же не знаю — может, у них там совсем бедлам был.

О-И: Как наказали?

Д.М.: Я так понял, они не ходили звонить.

О-И: Всех ведут одновременно?

Д.М.: Нет, по три-четыре человека. То есть заходят и говорят: «Кто на звонки, пошли четыре человека», спускают на первый этаж и выдают тебе твой телефон, если у тебя нет телефона, то можно у соседа позвонить, вот я давал ребятам позвонить.

О-И: А если сел?

Д.М.: Если сел, то надо пытаться договариваться с сотрудниками, чтобы они тебе дали зарядить. Во-первых, если у тебя зарядка есть, то, пожалуйста, заряжайся, розетки есть, можно. У одной смены можно было договориться, чтобы тебе на ночь это дело оставили... Камера у меня была вполне такая отличная, там буйных, наркоманов не было. В соседних ребята на ломках сидели, тоже вроде ничего, тоже не буйные.

О-И: А за что сидели твои сокамерники?

Д.М.: В основном, пьяные водители, 95 процентов — это пьяные водители. Причем такие забавные ребята. В четыре часа в боулинге парень решил, что много денег идет на пиво, — поехали за пивом. Естественно, пиво не купили, приехали обратно, тут его и взяли. Так он в ботинках для боулинга и приехал к нам, без шнурков.

О-И: А сколько людей в камере?

Д.М.: Семь. Шконок семь, бывало чуть меньше людей, один раз полдня сидели вчетвером, так в среднем 6—7. В спецприемнике ремонт довольно приличный, никаких в этом смысле вопросов нет, только ребята курили. Если сделать отдельно, чтобы курящие и некурящие камеры, то будет совсем отлично отбывать административное наказание.

О-И: Не рассказывают, если попросить?

Д.М.: Я не просил, если честно. Мне это даже в голову не пришло, потому что там настолько скученно было, там явно не было мест, поэтому я не просил. Кормят нормально, как в походе, когда 6 человек готовить не умеют, а один умеет. 6 дней кормят слипшимися макаронами, есть-то можно вполне себе, с голоду точно не умрешь, ну, невкусно. Никаких таких в этом смысле плохих вещей нет.

О-И: Как протекает день?

Д.М.: Да грустно он протекает — долго. Встаем, с утра завтрак — это где-то в районе восьми часов. На завтрак никто не идет, потому что там невкусно, и делать там нечего. Дают сечку, невкусную совсем.

О-И: То есть можно не идти?

Д.М.: Да, конечно, пожалуйста, хоть целый день спи. Точнее есть один момент. Мы ходили по очереди только по утру банки с водой теплой взять.

О-И: Зачем?

Д.М.: Чтобы потом делать из нее чай, чтобы доширак заварить, чтобы была горячая вода. Некоторые ребята из соседней камеры в теплую воду набрасывали хлеб и дрожжи и получали брагу через 10 дней. Я не знаю, как это можно утаить, потому что она воняет все-таки. Там такой довольно устойчивый запах. Как-то они умудрялись. Потом в 9 часов проверка, смена караула, назовем это так, одна дежурная смена меняется с другой. Они тогда выводят нас из камеры на поверку и заходят в камеру и что-то там ищут. Как это, видимо, положено по их уставу.

О-И: Раз в сутки?

Д.М.: Да. Больше, в принципе, все — с другой стороны, мы ничего не нарушали, мы наркотики не жрали, какой там смысл заходить к нам, что-то искать? Не барагозили. Раз в сутки они зашли, посмотрели — все нормально. У нас довольно чистая была камера, в этом смысле у них никаких придирок к нам не было и вопросов. Когда ребята из соседней камеры на день города феназепама наелись, их пытались уговорить, тоже, по-моему, без жести. Как-то там на них наорали и, по-моему, даже не заходили. В этом смысле нормально — ни насилия, ни рукоприкладства не было. Дальше после поверки часа через два — где-то в 11 ведут либо на звонки, либо на прогулку. Прогулка — это такой небольшой дворик, где-то 6 на 30, может 25, который огорожен бетонным забором таким, и сверху решетка, вот на этой решетке можно подтягиваться, некоторые охранники за это гоняют, некоторые нет. Больше всего меня удивило в отдыхающих в спецприемнике то, что вот выходим мы на прогулку, они садятся на столики — в этом дворике есть два столика, — они садятся и курят, и вот час, 40 минут, сколько нам там догуливать, они там сидят и разговаривают друг с другом. Когда мы приходим в камеру, они начинают ходить — вот этой логики я не понял, это что-то такое необъяснимое.

Потом мы сообразили — стали в футбол играть. Из носков сделали мячик и играли в футбол. Дальше днем обед, вечером ужин. И все. Вот это время надо как-то коротать, в основном после обеда спали. Что меня немного расстроило — народ мало читает, я, наоборот, пытался убить на это время, вроде, мы самая читающая страна — а народ не особо читал.

О-И: А есть что читать?

Д.М.: Да, во-первых, можно принести что угодно, и там есть полка, где какие-то книги, видимо, оставляют.

О-И: Прямо в камере?

Д.М.: Нет, рядом со столовой. Пока нас водят туда, есть возможность что-то выбрать. Есть там монументальные труды типа «Войны и мира», Майн Рида, очень порадовал меня набор правовой литературы — есть брошюрка «Закон о государственной тайне», гражданский кодекс и еще чего-то, а административного кодекса нет, хотя административный кодекс — очень важное издание. Например, мы пытались понять, что такое статья 12.26 часть 2. Привезли парня-узбека, он совсем плохо понимает, он не знает, за что его. Раньше его взяли за 12.26 часть 2 ("Невыполнение водителем транспортного средства требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения" - прим.), а сейчас ему грозит 12.7 часть 1 ("Управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством" - прим.). И мы тоже ему сказать ничего не можем. Так что эта была бы литература очень полезная в соответствующем заведении.

О-И: А ходить можно только на обед, на ужин, на прогулку?

Д.М.: А так сидишь в камере.

О-И: Она закрыта?

Д.М.: Да, конечно.

О-И: А сортир?

Д.М.: Сортир тоже внутри, он у нас отделен такой, как в сауне вот, деревянной дверкой, что добавляло некоторого шарма.

О-И: Это все-таки туалет или параша?

Д.М.: Она на возвышении, но заподлицо с полом, то есть это параша. У нас довольно чисто было, никаких проблем не было. Когда мы возвращались с прогулки после футбола, мы банально набирали пятилитровую банку воды — встаешь над этой парашей и можешь лить на себя, то есть это даже возможность более-менее принять душ. В этом смысле довольно прилично там было.

О-И: А просто душ?

Д.М.: Раз в неделю нормальный душ.

О-И: Туда тоже вели какое-то количество людей?

Д.М.: Да, вели. Возможность вот так из пятилитровки в любое время себя помыть — это довольно удобно, если бы этого не было, приходилось бы над раковиной по пояс себя мыть — это намного хуже.

19 февраля 2011 Пушкинская площадь Россия без П...

О-И: А на обед и на прогулку тоже камерой, или там люди мешаются?

Д.М.: Нас выводят в коридор, приводят в столовую. Столовая — это два стола, и есть доступ к холодильнику, какие-то скоропортящиеся продукты можно положить в

холодильник. Это для меня было просто открытие, я никогда даже не думал, что такие санаторные условия могут быть.

О-И: Вы приходите и все садитесь за один стол, или можно пересесть куда-то?

Д.М.: Куда хочешь. Но поскольку коллектив замкнутый, мы старались продолжить какие-то разговоры — сиделись вместе.

О-И: Другие камеры там тоже присутствуют?

Д.М.: Когда присутствуют, когда нет, но, в основном, да. Есть какая-то возможность перекинуться фразами: «О, ребята, как дела? Что у вас было? Что, как?»

О-И: А сколько примерно людей сидит в столовой?

Д.М.: В основном, две камеры одновременно.

О-И: Или там всего две камеры?

Д.М.: Нет, там много. Их, насколько я понимаю, восемь.

О-И: А гулять пускают тоже по две камеры?

Д.М.: По две-три.

О-И: А женщины есть в спецприемнике?

Д.М.: Была одна девчушка лет 25. Тоже очень забавно туда попала — они с женихом ехали куда-то, оба, я так понял, подшофе. Их тормознули, парень говорит: «У меня сейчас права отнимут, давай поменяемся?» Они поменялись. В результате — ему год и семь лишения прав за то, что он передал машину, заранее зная, что у нее нет прав, а ей 10 суток. То есть он как раз этого и боялся.

О-И: А административный арест ему?

Д.М.: Нет, поэтому когда это рассказывали, у нас все начинали кипеть гневом: «Ух, какой он нехороший!» Она

сидела рядом с нами — мы сидели в 6-й, она сидела в 7-й камере.

О-И: Вместе с мужчинами? Одна?

Д.М.: Да, одна, естественно. И она могла общаться с людьми только когда обедала. И то — она обедала тоже одна и могла общаться только с баландерами.

О-И: Как вы узнали о ее существовании?

Д.М.: Вот это была как легенда о красавице в замке. О ней все знали, но ее никто не видел. Но поскольку камеры у нас были углом, мы видели ее окно. Мы знали, что там горит свет, — значит, она там есть. У нас один парень явил магические свойства, мы его долго убеждали, чтобы он разложился на атомы и туда пролетел, но он сказал, что ветер плохой, поэтому боится, что его сдует, и не полетел. Один раз я ее видел, когда у меня была встреча с защитником, на свидание я пошел, пропустил начало обеда, пришел в столовую и сказал: «Дайте пообедать», — и вот она там сидела. Как-то мы с ней парой фраз перебросились. Так что меня считали очень счастливым, потому что я ее видел.

О-И: Статью-то твою обсуждали? И вообще твою историю? Что говорили?

Д.М.: Да, конечно. По-разному относились, в какой-то момент резюмировали то, что я сделал, очень просто — вышел на Красную площадь ругать царя. Первый вопрос, который мне задавали, когда узнавали, что я сделал: «Да ты чего, пьяный что ли был?» Я говорю: «Нет, ребят, я был абсолютно трезвый». Говорят: «Блин, вот ведь».

О-И: Поддерживали?

Д.М.: По-разному, 99 процентов считало просто бессмысленным, кто-то считал, что, в принципе, я на это имею право, но опять же бессмысленно. У нас был

ополченец из Луганска, он не то чтобы меня ругал, он оправдывал позицию государства, что меня правильно забрали и должны были сделать так, чтобы никто не узнал, что я выходил.

О-И: А что за ополченец?

Д.М.: Мужик, 39 лет, нормальный мужичок, он родом из Луганска, 17 лет в Москве. Когда там все это дело началось он родню жены перевез сюда, а сам туда поехал. Он довольно такой живой мужик. Здесь у него какой-то мелкий бизнес, типа торговли. Он там пробыл 20 дней, и его там контузило. Он не сумасшедший, с ним можно спорить, я на самом деле первый раз увидел человека после войны. Его действительно так немножко помяло, он хочет говорить-говорить, у него действительно нагорело. Он приехал сюда, побыл сутки дома, и жена, видимо, испугалась и переехала на другую квартиру. Видимо, мужик, что называется, был в стрессе. Он на почве стресса подумал, что она вообще другого мужика нашла, начал подозревать, поехал на новую ее квартиру, ее там не было, и тут он зацепился с соседями, те вызвали ментов. Так как это было в час ночи, то правильно, наверное, сделали. Приехали менты, его забрали. Он, видимо, переругивался с ментами, и один бравый товарищ стал говорить ему: «Я тебе сейчас наручники надену». Он говорит: «Попробуй». Тот начал ему руку заворачивать и сломал руку. Такое бывает. Вот в этот рассказ я верю. Сломали руку — бывает такое, я в детстве армрестлингом позанимался, я видел, как руки ломают. К сожалению, такое бывает. Ему руку сломали, он двое суток отсидел в ОВД, потом его привезли в суд. «Где тут хулиган?» Он говорит: «Я хулиган». «Ты какого государства?» — «Украинского». — «Где тебя будут со штрафом искать?» То есть она, наверное, ему бы и штраф вкатила. «Все, давай — пять суток». «А вы не хотите меня послушать?» — «А у меня тут все написано».

О-И: Его не по 19.3, а по 20.1?

Д.М.: Да. За хулиганку 5 суток. Самое плохое не то, что его посадили, а то, что ему сломали руку и он двое суток без гипса был. Вот это просто, мягко сказать, неприлично. Он не сумасшедший, что мне понравилось. Он убежденный, он верит, что надо сражаться. С ним можно долго-долго спорить, возможно, его убедишь, а, возможно, и нет — не знаю. Он верит, что землю надо защищать. Я в этом смысле с ним не спорил. Но вот мы когда с ним спорили, он был готов принимать условия нормального спора, что, допустим, факт — это то, что видел либо ты сам, либо человек, которому ты капец как доверяешь. Он принял эти условия, и на этих условиях мы с ним как-то спорили, друг другу что-то доказывали. У меня некоторые сокамерники были, у которых в голове, что Америка нас всех уничтожит. А вот этот был нормальный. С ним можно было до чего-то договариваться. Естественно, мы с ним не сошлись в идеях. Там, на самом деле, дальше уже не я, а пацаны его убеждали: «Головой-то думай, вот ты уедешь, тебя грохнут, кто твою семью кормить будет?»

ПРАКТИКА НЕСОГЛАСНЫХ

ОВД-Инфо: Ты вначале говорил, что в этот раз было поспокойней, когда задерживали, что не били. А до этого часто тебя задерживали?

Дмитрий Монахов: Да практически всегда. Последний раз на Манежной площади, после приговора Алексею Навальному по «Кировлесу».

О-И: В принципе, ты думаешь, со всеми так происходит, или это к тебе какая-то определенная агрессия со стороны полицейских?

Д.М.: Я не знаю, как к остальным, но я просто тяжелый — меня еще донести надо.

О-И: То есть это у них такой спортивный интерес получается?

Д.М.: Вот начинают тебе заламывать руку, заламывают-заламывают, а тебе не больно. Вот попробуй заломай. Я сижу, я ничего не делаю, вот он ломает, закручивает-закручивает, а она не ломается. Ну вот нет. Ему становится обидно — он же в погонах, блин, большой мужик. Он начинает под ребра поддавать.

О-И: То есть это с твоим поведением не может быть связано?

Д.М.: Вот, давайте, забирайте меня. Давайте. Как хотите.. Пока нет законного требования, я никуда не пойду. Все — давай, руки начинают крутить, попробуй скрути, я не вырываюсь, не убегаю, попробуй закрути. В этот раз тоже пытались руки заломить, не очень-то получилось.

О-И: А вот эта история прошлогодняя с Манежкой? (Акция протеста против приговора Алексею Навальному по “делу Кировлеса” - прим.) Чем дело-то в итоге кончилось? Как там суд?

Д.М.: Надо у Ильнура Шарапова уточнить, в какой это сейчас стадии...

Менты написали, что снимок, где меня бьют по лицу, это на самом деле полицейский не меня бьет, а это он от меня руку отталкивает, чтобы я его не укусил. Не знаю, как они мотивируют то, что они меня за волосы тащат — наверное, чтобы я его не кусал, не знаю. Должны были провести экспертизу, чтобы установить, могли ли такие удары вызвать такие повреждения.

Выступление со сцены Дмитрия Монахова: каждый ...

О-И: То есть у тебя была полноценная экспертиза?

Д.М.: Должна была быть, я просто в этом не участвовал.

О-И: Ты побои снимал?

Д.М.: Да, я в больничку уехал сразу в тот вечер, потому что я с разбитой башкой был. На шее, на руках, на лице повреждения были.

О-И: Сейчас что происходит с этой историей? **Вера в чудеса**

Д.М.: Это как-то вялотекуще. Насколько я понимаю, Ильнура всячески отфутболивают, он пытается всячески это дело как-то довести.

О-И: Общение с прокуратурой идет или со Следственным комитетом?

Д.М.: Я конкретной ситуации — откуда куда какой документ пошел — не знаю. Когда мы были на апелляции, он мне это дело рассказывал. Происходит вялотекущая попытка заставить их возбудить дело — дело не было возбуждено. Насколько я понимаю, все в стадии проверки.

О-И: Доследственной? Которую ведет...

Д.М.: Да, Следственный комитет, мы туда ходили, я там все рассказывал, показывали видео, показывали фотки... Вот с того момента, с прошлого года, я вообще никуда не ходил, как-то я занимался работой, а тут как-то уже накалилось. Уж дальше нельзя, можно все игнорировать, но чтоб вот так... Уже, думаю, все. Нельзя больше ждать.

О-И: А до этого как часто?

Д.М.: Тоже не особо, на самом деле. Где-то в 2010 году мне казалось, что я могу что-то изменить, я ходил там 31-го числа, вот перед выборами декабрьскими ходили на Триумфальную площадь каждую неделю. Одну неделю я пропустил — что-то на работе было. Мне звонят мои товарищи из ОВД и говорят: «Слушай, тебя в ОВД потеряли». Значит, у них уже был список правонарушителей, кто чего кричал, а то, что там Монахова нет и он сидит на работе, вообще не важно.

О-И: Как это получилось?

Д.М.: Еще раз — они примерно знают список участников, они на всех уже составили протоколы, все готово.

О-И: Это сколько раз ты до этого уже винтился, что они составили?

Д.М.: Пару-тройку раз. Каждый раз происходила эта акция по четвергам.

О-И: Это перед выборами было на Триумфалке еженедельное событие.

Д.М.: Всех обычно доставляют в актовЫй зал, и из актового зала потихонечку составляют документы. Значит, они говорят: «Монахов!» — «Какой Монахов? Нет Монахова». — «Где? Куда убежал?»

О-И: То есть ты у них был уже записан как задержанный?

Д.М.: Да, конечно. Я задержан, я участвовал, я скандировал, неповиновение. Гражданин Монахов куда-то пропал...

О-И: Чем закончилось?

Д.М.: Да ничем, я думаю, порвали и выкинули. У них задержанных-то и так хватает. Они, так сказать, оптимизировали.

О-И: Есть ощущение, что что-то изменилось в том, как ведут себя менты по сравнению с тем, как тогда было? Ты начинал с «Маршей несогласных» или со Стратегии-31?

Стратегия-31: смерть или другая жизнь?

Д.М.: Нет-нет. Я на «Марши несогласных» еще не ходил... Ой, это было так давно... Нет, это 2010 год, раньше я даже не пытался. Мне было совсем это не интересно, мне казалось, что это вообще ни о чем. Я просто жил в параллельной реальности, в которой политика вообще не существовала. Когда я уже на Триумфальную площадь вышел хоть посмотреть, что это такое, я, мягко сказать, удивлен был. После выборов президента, на самом деле, как-то мне стало так грустно, я сначала был наблюдателем, потом в группе безопасности, которая на следующий день после выборов на митинге была. Я тогда не выспался, так устал, что плюнул на все, думал, что ближайшие несколько лет тут ловить нечего, все эти митинги, боюсь, ни к чему не приведут. Ходить можно, но совсем смысла мало. Поэтому меня 6-го числа (6 мая 2012 года на Болотной площади произошли столкновения между полицией и протестующими - прим.) даже в Москве не было, я как-то так разочаровался.

О-И: Что изменилось в действиях полицейских?

Д.М.: Да как было, так и осталось. Был единственный момент — 31 марта 2011 года, когда 1 марта приняли закон, собственно у меня 1 марта день рождения, поэтому у меня теперь день рождения — это день принятия закона о полиции и день, когда Совфед выдал разрешение Владимиру Владимировичу вторгнуться в Украину, — отлично, две даты, просто я благодарен нашей родине за такие праздники. Это был единственный раз, когда они хоть пытались чего-то, тоже очень в своеобразной форме, когда они меня втащили, то они спросили: «Ты инвалид?» — Нет. — «Ты беременный?» — Нет. — «Звонить будешь?» — Нет. Это так они зачитали мне мои права. Это был

единственный раз, и, я считаю, это лучшее проявление законности полицией, которое я когда-либо встречал.

О-И: Это еще до того, как закон вступил в силу?

Д.М.: Нет, его приняли 1 марта, а 31 марта он уже вступил в законную силу, они тогда все очень сильно мандражировали из-за переаттестации. Это был единственный момент, когда они хоть о чем-то переживали. Действительно, они же, во-первых, закон не понимали, чего там да как, тоже, пока мы ехали, они долго мне ругались, что они его читают и не понимают, когда можно, когда нельзя применять оружие. А потом ничего не изменилось.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ КОММУНИЗМ

ОВД-Инфо: А если вернуться к спецприемнику, как устроены свидания и передачи?

Дмитрий Монахов: Один раз за административный срок ты имеешь право на свидание, то есть тебя зовут вниз ко входу, там стоят люди, которые к тебе пришли, стоит передатка, они же обычно с передаткой приходят. Вот она там стоит, и в принципе, теоретически, можно туда положить все, что угодно.

О-И: То есть эта передатка не проверяется?

Д.М.: Нет, она проверяется. Ее проверяют, но туда можно положить ну все что угодно. В разумных размерах. Смартфон можно протащить. Вопрос — зачем.

О-И: Отдыхал от интернета 2 недели?

Д.М.: Просто зарядки нет, заряжаться негде. Мне хватит на 2 часа, и что ты дальше с этим делать будешь? Зарядиться там никакой возможности нет — все лампы в плафонах, поэтому я даже и не переживал на эту тему. Один хороший совет — написать на первом свидании

доверенность на кого-нибудь из знакомых, они, показав эту доверенность, могут уже идти вне вот этого ограниченного количества свиданий, как защитники. Им не имеют права отказать. Вот это такой нормальный способ не ограничиваться одним свиданием за 15 суток. И защитников ко мне пропускали вполне спокойно и без ограничений.

О-И: Передача тоже может быть одна за срок или сколько?

Д.М.: Нет, сколько угодно. Из фруктов-овощей только яблоки разрешены, но если очень попросить, то можно и помидоры, и чеснок. В принципе, когда очень просили, то и селедку передавали. Очень забавно то, что все сладкое можно передавать, а соленое нельзя. А когда ты сладкое ешь целыми днями, то хочется хоть чуть-чуть что-нибудь соленое. Селедка — это была почти как черная икра у нас, очень дефицитный товар, который мы ели целых два раза.

О-И: А чем открывали?

Д.М.: Нет, упаковка селедки такая фасованная. Колбасу можно только сырокопченую. Они все это вскрывают, смотрят.

О-И: А из посуды что в камере есть?

Д.М.: Ничего.

О-И: Чай из чего? А колбасу как?

Д.М.: Колбаса уже нарезка.

О-И: Хлеб?

Д.М.: Хлеб можно взять в столовой. Вся посуда своя, у нас регулярно была такая забавная история, что они искали ложки. Алюминиевая ложка – это страшное очень оружие, видимо. Регулярно, где-то раз в двое суток ходили по камерам искать пропавшую ложку.

О-И: Которая пропадала из столовой?

Д.М.: Да. Их, видимо, пересчитывают.

О-И: Доширак, например, чем есть?

Д.М.: Пластиковыми ложками, которые тебе приходят в передаче. Так как обычно в камере всегда уже есть кто-то, то быт уже налажен. Мы жили так, что у нас был коммунизм в отдельно взятой камере — то есть все было общее. Сигареты у ребят были общие. Еда была общая.

О-И: Передачи всем приносят?

Д.М.: Большинству приносят, кто-то, если двое-трое суток, то предпочитает родне не сообщать, имеют полное право. Мы понимали, например, что у нас заканчиваются пластиковые вилки и пластиковые тарелки, к кому следующему кто придет — значит, нужно попросить, какие-то такие небольшие деньги, а у нас будут сменные тарелки, которые не придется нам как-то мыть, потому что это целая история их отмывать. В этом смысле у нас быт был вполне приличный, налаженный, у нас всегда была возможность попить теплого чая, поесть дошираков, пюре из пакетов отличным оказалось, составляло большую конкуренцию доширакам.

О-И: Что вообще есть в камере?

Д.М.: Кровати, прикрученные к полу, табуретки, прикрученные к полу, стол, прикрученный к полу, туалет с раковиной напротив, постельные принадлежности.

О-И: А постельное белье?

Д.М.: Постельное белье — это матрасы, разного качества — у меня был хороший матрас, где-то один бывает матрас из семи очень неудачный, скорее похожий на такие баулы, на которых сидят — такие как бы мячи. Дают одну простынь, одно одеяло. Я к походам привыкший, для меня совершенно никаких проблем с этим не было.

О-И: Без пододеяльника?

Д.М.: Без.

О-И: А телевизор?

Д.М.: Его можно принести, если он на батарейках. Любое принимающее устройство можно принести, но не передающее.

О-И: Ноутбук? Если у него нету wi-fi?

Д.М.: Я хотел бы посмотреть на того человека, который сможет доказать это сотрудникам полиции. В принципе, можно dvd-плеер, наверное, принести. Вопрос — сколько он проработает. У нас был приемник.

О-И: Нет розеток в камере?

Д.М.: Есть снаружи, но мы ими пользоваться не имеем права, потому что мы снаружи находиться не имеем права.

О-И: Есть у тебя какие-то впечатления от сотрудников? Вообще как часто с сотрудниками сталкиваешься?

Д.М.: Они каждые полчаса обязаны заглядывать в эту щелку, за нами подсматривать, хотя над нами висит камера.

О-И: В камере висит камера?

Д.М.: Да-да, в углу висит камера. Сотрудники в большинстве своем нормальные, вменяемые, мы их не доставали, они нас не трогали.

О-И: Они менты или фсиновцы?

Д.М.: Насколько я полагаю — менты.

О-И: А сколько их там?

Д.М.: Их не очень много. Я так полагаю, что смена — это 4 — 5 человек, может быть, 6. Один на нашем этаже, может быть, два. Остальные в дежурке.

О-И: Ты говорил, один полицейский был какой-то неприятный?

Д.М.: Ну, такой — нам на жизнь жаловался. Ты у него чего-нибудь спросишь, он начинает рассказывать, какая у него тяжелая жизнь. Остальные даже скорее положительное впечатление произвели.

О-И: Законы знают?

Д.М.: Ой, я не пытался у них спрашивать. Мы совсем с ними на эту тему не разговаривали. У нас никаких проблем не было и конфликтов не было, поэтому и не нужно.

О-И: А кто работает на кухне?

Д.М.: Арестанты. Когда тебя привозят, то тебя спрашивают, готов ли ты работать. Меня не спрашивали, других ребят спрашивали. Они как-то работают — раздают еду и где-то там еще убираются, я так понял, что на территории подметают. И за это они могут, что называется, свободно перемещаться, относительно свободно, я точно не знаю.

О-И: А готовят тоже они?

Д.М.: Нет, как объяснили мне знающие товарищи — где-то там рядом находится СИЗО, и еду привозят оттуда в армейских котлах.

О-И: А кто-то в твоей камере работал?

Д.М.: Нет, волонтеры — их называют волонтеры — жили в одной камере. Если ты хотел волонтерить, то тебя переводили в другую камеру.

О-И: А как выпускают, когда истек срок?

Д.М.: Зашел дежурный, сказал: «Тра-та-та, на выход». Пошли, отдают тебе вещи, выдают справку.

О-И: Квитанцию?

Д.М.: Квитанцию не выдают, что тоже для меня явилось приятным сюрпризом. Все сотрудники желают не «до свиданья», я вот поймал себя на мысли, они мне сказали «доброго дня». В этом смысле они следят за словами.

ПОЛДНЯ ЗА 20 ТЫСЯЧ

ОВД-Инфо: А как ты узнал про второе дело? По 20.2?

Дмитрий Монахов: Я сегодня ехал к вам и, пользуясь случаем, заглянул в любимый судебный участок и получил прекрасную копию дела.

О-И: Ты будешь подавать апелляцию?

Д.М.: Я не стану, конечно, банкротом из-за 20 тысяч, но это такая сумма, из-за которой стоит потратить хотя бы полдня.

О-И: А в судебном постановлении что написано по 20.2? То же, что в протоколе или что-то интересное?

Д.М.: «Являясь участником публичного мероприятия, нарушил установленный порядок проведения пикетирования. Находясь на территории, непосредственно прилегающей к резиденции президента, выкрикивал лозунги антиправительственного содержания, являясь участником одиночного пикета, тем самым нарушил порядок пикетирования ФЗ-54». Я был надлежащим способом уведомлен и не явился без уважительной причины. Учитывая личность, наложить наказание в виде 20 тысяч».

О-И: Резиденция президента — это круто. Кремль просто вроде не является резиденцией президента.

Д.М.: Нет, по-моему, является. У меня к этому вопросов нет. На Красной площади действительно другой порядок. Я еще сейчас закон почитаю. Сначала, что совсем запрещено проводить, потом-таки разрешено. Очень

забавная история даже по этим бумагам, которые они там напечатали. Там даже по документам получается, что никакого непосредственного прилегания нет, там несколько кадастровых участков.

О-И: Ты пытался уже где-то установить, является ли эта территория относящейся к Красной площади?

Д.М.: Я последние 15 дней не пытался, а вот Денис Борисович Юдин пытался, и он выяснил, что там несколько кадастровых участков, поэтому никакого непосредственного прилегания там нет. На что очень интеллигентный судья на апелляции в Мосгорсуде сказал, что данный вопрос не является предметом рассмотрения.

Очень интеллигентный был судья, который, выяснив, что нам нужно время на ознакомление с делом, даже принес два пирожных и стакан чая, насколько я понял, в своей кружке, потому что имя на кружке совпадало с его именем.

Как его зовут — не помню. Если бы я встретил его в жизни, я бы сказал, что он — профессор математики, очень интеллигентный. Он очень интеллигентно напомнил мне про статью 306 УК РФ (заведомо ложный донос), сказал мне, что вообще могло получиться и так, что если я буду так продолжать, то я и еще получу 15.

О-И: На видео твоего задержания разве не видно, что это не Красная площадь, дом 2?

Д.М.: Они даже с этим пытаются спорить, мы пытались объяснить, что это не дом 2.

О-И: У тебя есть какие-то прогнозы насчет апелляции?

Д.М.: Ой (вздыхает). Да никаких у меня прогнозов, у меня был прогноз, что у меня все хорошо закончится... Не знаю, пусть докажут, что я непосредственно антиправительственного содержания лозунги выкрикивал против президента. В прошлый раз мне было очень

обидно, что мы долго-долго объясняли, что я не находился на Красной площади, а судья говорит: «Не является предметом рассмотрения». Интересно послушать позицию суда, под другим углом, когда уже является предметом рассмотрения. Я не отрицаю – я пришел для того, чтобы сказать. Потому что накипело, я больше не мог сидеть дома.

О-И: Собираешься еще выходить?

Д.М.: Вот этот вопрос меня, мягко сказать, просто пугает. Если выходить, то либо вся эта вакханалия продолжится, либо мы нападём на кого-то другого. На Белоруссию? Я надеюсь, что не придется. Больно повод был плохой, по которому пришлось выходить. Отпуск в другом месте тоже мне нравится намного больше.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Против войны

1 5